

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ послѣдней, июльской, книжкѣ «Русской Мысли» находимъ двѣнадцать страничекъ, подписанныхъ именемъ А. П. Чехова. Если не ошибаемся, послѣ разсказа, помѣщенного въ январской книжкѣ «Сознороліс»^а, это первый подарокъ талантливаго беллетриста читающей публикѣ послѣ полугодичнаго молчанія. Такое положеніе дѣла едва-ли можетъ удовлетворить аппетиты читателя, практикою послѣднихъ десятилѣтій приученнаго одновременно встрѣчать имя одного писателя въ нѣсколькихъ журналахъ. Есть въ этомъ и совсѣмъ уже нежелательная для нашего автора сторона: появленіе каждой новой вещицы возбуждаетъ преувеличенныя ожиданія, которымъ рѣдко приходится оправдываться, и вотъ уже много времени вряду критика съ сардоническимъ соболенованіемъ констатируетъ фактъ несомнѣннаго превосходства раннихъ произведеній г. Чехова предъ позднѣйшими.

Въ началѣ литературной карьеры г. Чехова, когда критика не слѣдила съ такою лихорадочною тревогою за каждою новинкою, выходящею изъ-подъ пера молодого беллетриста, послѣдній былъ несравненно болѣе щедръ на разсказы, подобные настоящему разсказу «Человѣкъ въ футлярѣ». Было время, когда они появлялись чаще, чѣмъ ежемѣсячно, на страницахъ «Новаго Времени»; тогда о нихъ не принято было говорить, — теперь и небольшіе наброски, въ родѣ «Аріадны», «Убийства» и «Дома съ мезониномъ», вызываютъ оживленные толки печати.

Герои разсказа по общественному положенію учителя гимназіи, странный, замкнутый человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ «людей, одинокихъ по натурѣ, которые, какъ ракъ отшельникъ или улитка, стараются уйти въ свою скорлупу. Въ складѣ его ума есть что-то болѣзненно ненормальное, какіе-то задатки маніи преслѣдованія, вселяющіе въ него потребность прятаться отъ людей, скрывать свою душу и, насколько возможно, и тѣло, и вѣчно переживать какую-то патологическую боязнь

«какъ-бы чего не вышло», «какъ-бы, чего-добраго, не попасть въ какую-нибудь исторію». Эта точка зрѣнія обуславливаетъ собою цѣлый рядъ добровольныхъ стѣсненій, заставляетъ его ѣсть полупустую пищу, не держать женской прислуги, «чтобы о немъ не думали дурно», ходить къ своимъ сослуживцамъ въ гости для поддержания добрыхъ отношеній и просиживать у нихъ молча часть-другой, какъ будто что-то высматривая и нагоняя скуку на товарищей. Странности душевнаго склада не могли не отразиться и на его внѣшности и образѣ дѣйствій.

«Всегда, даже въ очень хорошую погоду, — разсказываетъ о немъ его сослуживецъ, отъ лица котораго ведется весь разсказъ, — онъ выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ стѣрой замши, и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себя, такъ сказать, футляръ, который уединилъ-бы его, защитилъ-бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него зъ сущности тѣ же калони и зонтики, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни».

«... Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось-бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебнъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ-бы чего не вышло.

А на педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своимъ чисто-футлярнымъ соображеніемъ насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ-бы не дошло до начальника, ахъ, какъ-бы чего не вышло»...

Воплощеніе законническаго формализма и абсолютнаго подчиненія и повиновенія начальству, Бѣликовъ, — таково имя героя, — чувствуетъ себя въ своей сферѣ только тогда, когда ему ясно указаны границы дозволеннаго и приличнаго и притомъ не путемъ положительнаго обозначенія его правъ, но отрицательнымъ способомъ. «Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено — баста. Въ разрѣшеніи-же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное».

Содержаніе разсказа составляетъ исторія о томъ, какъ Бѣликовъ едва не женился. Случайно въ городѣ, гдѣ прозябалъ педагогъ, пріѣзжаетъ вновь назначенный на должность учитель съ своею сестрою Варенькой, тридцатилѣтней краснощекой хохлушкой, вѣчно смѣющейся и поющей. Чуть не съ первой встрѣчи Бѣликова зъ Варенькой общественное мнѣніе начинается смотрѣть на нихъ, какъ на суженыхъ. Въѣтъ «вдругъ понадобилось» женить угрюмаго педагога. «Директорша, инспекторша, — говоритъ разсказчикъ, — и всѣ наши гимназическія дамы ожили, даже похорошѣли, точно вдругъ увидѣли цѣль жизни». Сдѣлалось обычнымъ и естественнымъ видѣть преподавателя древнихъ языковъ тамъ, гдѣ появлялась Варенька, и, подъ вліяніемъ всеобщаго внушенія, всеобщихъ увѣреній, что рано или поздно парочка должна обвѣнчаться, самъ Бѣликовъ пришелъ къ мысли, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно жениться. Только прирожденная робость, нерѣшительность и

боязнь, какъ-бы чего не вышло, удерживала сорокалѣтняго младенца отъ рѣшительнаго шага, «и онъ не дѣлалъ предложенія, все откладывалъ, къ великой досадѣ директорши и всѣхъ дамъ; все взвѣшивалъ предстоящія обязанности и ответственность и между тѣмъ почти каждый день гулялъ съ Варенькой...»

Толчкомъ къ поворотному шагу послужилъ для Бѣликова ничтожный фактъ появленія направленной противъ него карикатуры съ подписью «влюбленный антропосъ». Педагогъ былъ изображенъ идущимъ въ калошахъ, въ подсученныхъ брюкахъ и подъ зонтикомъ вмѣстѣ съ Варенькой. Для него это было колоссальнымъ ударомъ, но бѣда не пришла одиноко. Немедленно послѣ этого преподаватель встрѣтилъ идущими на велосипедѣ своего сослуживца и свою невѣсту, и это уже показалось ему настолько рѣдкимъ оскорбленіемъ правилъ порядочности, что онъ счелъ необходимымъ «облегчить душу» и объясниться съ явными нарушителями установленныхъ приличій.

— Я считаю долгомъ,—говоритъ онъ своему сослуживцу,—какъ старшій товарищъ, предостеречь васъ... Эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества. ... Если учитель ѣдетъ на велосипедѣ, то что-же остается ученикамъ? Имъ остается только ходить на головахъ! И разъ это не разрешено циркулярно, то и нельзя. Не разрешено—и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидѣлъ вашу сестрицу, то у меня помутилось въ глазахъ. Женщина или дѣвушка на велосипедѣ—это ужасно!..

Послѣ того какъ озлобленный страннымъ воззрѣніемъ Бѣликова, сослуживецъ посылаетъ его «къ чертямъ собачьимъ» и называетъ его фискаломъ, «человѣкъ въ футлярѣ» предлагаетъ, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній или перетолкованій, доложить въ главныхъ чертахъ содержание сейчасть происшедшаго разговора директору. Выведенный изъ себя малоросъ сбрасываетъ надѣвшаго и давно противнаго ему Бѣликова съ лѣстницы, какъ разъ передъ входящею Варенькой, которая при видѣ невыразимо комичной фигуры злополучнаго жениха раздражается неудержимымъ хохотомъ.

«И этими раскатыстымъ, залихватнымъ «ха, ха, ха» завершилось все.—заканчиваетъ рассказчикъ,—и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варинька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола (ея) портретъ, а потомъ легъ и уже больше не вставалъ. Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ Аванасій (слуга педагога) и спросилъ, не надо-ли послать за докторомъ, такъ какъ-де съ барининомъ что-то дѣлается. Я пошелъ къ Бѣликову. Онъ лежалъ подъ пологомъ, укрытый одеяломъ, и молчалъ; спросишь его, а онъ только «да», или «нѣтъ»—и больше ни звука. Онъ лежалъ, а возлѣ бродилъ Аванасій, мрачный, нахмуренный, и вздыхаетъ глубоко; а отъ него водкой, какъ изъ кабака. Черезъ мѣсяцъ Бѣликовъ умеръ... Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было кроткое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала!.. И какъ-бы въ честь его, во время похоронъ была пасмурная, дождливая погода, и всѣ мы были въ калошахъ и съ зонтиками...»

Такъ трагически заканчивается эта исторія страннаго «человѣка въ футлярѣ». Мы назвали-бы этотъ рассказъ карикатурою въ манерѣ Диккенса, если-бы тонъ и отношеніе автора къ изображаемому герою и взятому сюжету не были проникнуты полнѣйшею серьезностью. Авторъ смотритъ на злополучнаго педагога, какъ на патологическій типъ, и въ описаніи его погребенія, которому не могло-бы быть мѣста въ безпретенціозномъ юмористическомъ рассказѣ, звучать грустные и тоскливыя нотки. Начатая съ улыбкой на устахъ комическая исторія доскаывается серьезнымъ голосомъ, въ которомъ слышится легкое дрожаніе. Самый фонъ картины становится сумрачнымъ и торжественно-величавымъ. Окончивъ исторію, рассказчикъ выходитъ изъ сарая, и авторъ не безъ субъективнаго набрасываетъ бѣлыми чертами ночной пейзажъ.

«Была уже полночь. Направо видно было все село; длинная улица тянулась далеко, верстъ на пять. Все было погру-

жено въ тихій, глубокий сонъ; ни движенія, ни звука, даже не вѣрится, что въ природѣ можетъ быть такъ тихо. Когда въ лунную ночь видишь широкую сельскую улицу съ ея избами, стогами, уснувшими ивами, то на душѣ становится тихо; въ этомъ своемъ покоѣ, укрывшись въ ночныхъ тѣняхъ отъ трудовъ, заботъ и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звѣзды смотрятъ на нее ласково и съ умиленіемъ, и что зла уже нѣтъ на землѣ и все благополучно. Налѣво съ края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и всю ширь этого поля, залитаго луннымъ свѣтомъ, тоже ни движенія, ни звука».

Въ художественномъ творествѣ ни одна деталь не является безцѣльною, но идетъ въ соотвѣтствіи съ основнымъ заданіемъ художника. Не случайно художникъ беретъ изъ своего лексикона то или иное слово, не безъ предварительнаго обсужденія подбираетъ нужный эпитетъ. Мелкіе штрихи ложатся сообразно съ намѣченнымъ планомъ, и сумма деталей вызываетъ именно то впечатлѣніе, какое ожидалось. Не случайно такимъ тоскливымъ аккордомъ заключается и настоящій рассказъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что г. Чеховъ смотритъ на своего героя серьезно, что онъ чуждъ юмористической тенденціи, и нельзя не признать, что въ читателѣ такое отношеніе автора вызываетъ недоразумѣніе, такъ какъ онъ никакъ не можетъ заставить себя замѣчать карикатурности и въ характерѣ героя, и въ странности развязки. Не можетъ быть въ насъ такого чувства, когда мы читаемъ, напр., рассказъ Н. С. Лѣскова «Отчего люди сходили съ ума», гдѣ рассказывается, какъ нѣкій статскій совѣтникъ и кавалеръ Кувырковъ свихнулся послѣ того, какъ прочиталъ въ полицейской газетѣ непристойное сообщеніе о томъ, что генералъ Жеребцовъ и статская совѣтница Кобылина остановились въ Конюшенной улицѣ. Отъ начала и до конца здѣсь ясно, что это юмористическій рассказъ, безъ претензій на реалистическое изображеніе извѣстнаго типа, безъ меланхолическихъ поживаній головою и безъ трагическихъ нотокъ. Не вызываетъ никакихъ недоумѣній, по тѣмъ же

См. 7-14

самымъ основаніемъ, забавный рассказъ самого же г. Чехова о чиновникѣ, печально чихнувшемъ въ присутствіи своего начальника, ходившемъ сто разъ извиняться къ нему, — въ чемъ вовсе не было вранья, — и, наконецъ, благополучно скончавшемся изъ-за такой бездѣлицы; являясь опять, что это только карикатура, далекая отъ жизни и способная вызвать только улыбку. Настоящій рассказъ о человеке въ футлярѣ написанъ совершенно по той-же мѣркѣ: характеръ героя построенъ, — если можно такъ выразиться, — по методу утрированного развития одной черты душевнаго склада, развиваемой основана на довольно примитивномъ юмористическомъ приѣмѣ выведенія великаго результата изъ совершенно ничтожныхъ причинъ. По всему это юмористическій рассказъ, но тономъ рассказа автора какъ будто хочетъ убѣдить читателя, что онъ чуждъ пошлости юмориста. И читатель закрываетъ книжку съ чувствомъ недоумѣнія: какъ будто и правда, какъ будто авторъ его и мистифицируетъ...

Типъ человека, болящая жизнь, — сомнѣнно, типъ очень распространенный въ дѣйствительности. Его уже не впервые затрогиваетъ современная беллетристика, и самъ талантливый беллетристъ уже обращался къ его изображенію. Можно указать нѣкоторыхъ изъ его героевъ, которымъ въ известной мѣрѣ присущи черты душевнаго склада «человѣка въ футлярѣ». Специально описанію такого типа посвященъ небольшой рассказъ «Страхъ», отмѣчающій эту глубоко трагическую черту человѣческаго характера безъ всякаго тѣни карикатурности или шаржа.

Въ той-же книжкѣ «Русской Мысли» помѣщено начало, повидимому, весьма интереснаго романа А. А. Лугового «Возвратъ», любопытныя картинки прошлаго и настоящаго нашего дворянства М. И. Ремезова («Старый дворъ») и цѣнная изобилію статистическихъ данныхъ статья М. К. Лемке «Начальное народное образованіе въ Орловской губерніи».

Обыкновенно довольно живо составлены книжки «Кіевской Старины» на этотъ разъ предлагаютъ переписку безымяннаго въ свое время романиста П. А. Кулиша съ Д. С. Каменицкимъ. Письма изъ

написанъ запиской для...

весьма интересны въ смыслѣ характеристики типа нашего литератора старыхъ временъ, который, къ сожалѣнію, остался почти незапечатлѣннымъ художническимъ словомъ. Литераторъ нашего времени отраженъ, какъ въ зеркалѣ, во многихъ произведеніяхъ современной беллетристики. Есть въ данномъ случаѣ вещи высокаго художественнаго достоинства и глубокой жизненной правды, представляющія цѣлостно и ярко мало привлекательный образъ современнаго бойца на поприщѣ литературы, на котораго рѣзче, чѣмъ на людей иныхъ профессій, наложилъ свое неизгладимое тавро нашъ пошлый и узко практический вѣкъ. Можно сказать, пожалуй, что въ наше время литераторъ даже слишкомъ часто фигурируетъ въ качествѣ героя нынѣшнихъ повѣствованій, и въ особенности одолженныхъ своимъ появленіемъ перу начинающихъ писателей, въ чемъ нѣкоторые, можетъ быть, небезосновательно видятъ признакъ скудости авторскихъ наблюдений, ограничивающихся только тою средою, въ какой романистамъ и рассказчикамъ приходится наиболѣе вращаться. Но типъ стараго литератора не сохранился до насъ въ художественномъ воспроизведеніи. Достоевскій и Григоровичъ («Село Степанчиково» и «Проселочныя дороги»), правда, предложили подобную попытку, но совершенно исключительныя типы, взятые ими, нечувствительно увлекли ихъ къ карикатуризму и утрировкѣ, къ исключительному изображенію комическаго проникновенія героевъ авторскою славой и прямо-таки невозможнымъ въ дѣйствительности самолюбіемъ. Стараго литератора, въ ореолѣ его неотрицаемыхъ достоинствъ, человѣка независимаго, глубоко честнаго, идеалиста до мозга костей, совершенно чуждаго торгашескихъ инстинктовъ и матеріальныхъ расчетовъ, беззаветно преданнаго литературѣ, — такого литератора мы можемъ воспроизводить только по отрывочнымъ историческимъ даннымъ, по клочкамъ литературныхъ воспоминаній и изъ частной переписки отжившихъ дѣятелей на журнальномъ поприщѣ. Скудные въ смыслѣ историко-литературныхъ данныхъ, письма Ку-

лиша цѣнны именно въ указанномъ отно-
шеніи.

Отличавшійся, какъ извѣстно, большою
плодовитостію и трудолюбіемъ, Кулишъ
былъ совершенно чуждъ погони за нажи-
вой. Переживая въ 1859 г. крайне тяже-
лое нравственное состояніе, соединенное
съ затруднительнымъ матеріальнымъ по-
ложеніемъ, честный писатель ставилъ
выше всего задачи художественнаго твор-
чества. «Ради Бога,—пишетъ онъ изъ
Москвы Каменецкому послѣ сообщенія о
начатой большой повѣсти,—не думайте,
что моимъ перомъ управляетъ желаніе
добыть деньги»... «Какъ ни нлохи мои
финансовыя обстоятельства, но я скорѣе
поселюсь въ мужицкой хатѣ, чѣмъ пожер-
твую искренностью убѣжденія задѣльной
платѣ... Я согласенъ печатать только въ
томъ случаѣ, когда не будетъ зачерк-
нуто ни одно слово, въ полномъ
смыслѣ этого выраженія»... Отрывочныя
свѣдѣнія о ходѣ работъ, объ оставляемыхъ
въ сторонѣ начатыхъ произведеній и
быстромъ движеніи сочиненій, къ кото-
рымъ лежитъ сердце автора,—ясно под-
тверждаютъ ту-же мысль о томъ, что Ку-
лишъ работалъ, послушный творческому
одушевленію, подобно лучшимъ мастерамъ
слова.

Любопытно, далѣе, отмѣтить ту почти
наивную радость, какую выражаетъ Ку-
лишъ, встрѣчая въ окружающихъ призна-
ніе своихъ литературныхъ заслугъ и, съ
другой стороны, обычное преклоненіе
женщины предъ талантомъ. «Не только
малороссіяне, но и великороссіяне,—пи-
шетъ онъ въ 1860 г. здѣсь—смотреть на
мои книги и журнальныя статьи вовсе не
по-петербургски, что я имѣлъ случай не
разъ замѣтить и во время дороги, и въ
Полтавѣ. Я не встрѣчалъ человека, кото-
рый-бы при моемъ имени не выражалъ
радости, что-случай позволилъ ему меня
видѣть. Последніе два года много сдѣлали.
Репутація моя, какъ писателя, даетъ мнѣ
вездѣ входъ и радушный пріемъ. При-
знаюсь, это очень пріятно уже потому,
что доставляетъ большія удобства. Одинъ
полтавецъ, изъ разряда ходатаевъ по дѣ-
ламъ, просто сдѣлался моимъ камердине-
ромъ, такъ что мнѣ было даже совѣстно

нѣмъ дорогамъ, подпиралъ спина...

Я только говорилъ, что мнѣ нужно, и все
дѣлалось и доставлялось съ величайшею
радостью»... «Женщины за мной воло-
чатся, какъ за Донъ-Иуаномъ,—сооб-
щаетъ онъ въ другомъ письмѣ, того-же
года, т. е. на 51 году своей жизни.—Это
составляетъ и счастье, и несчастье моей
жизни. Счастье потому, что я пріятно за-
нять и забываю свое поганое прошедшее,
а несчастье—потому, что романы мои гро-
зятъ мнѣ новыми бѣдствіями. Но судьба
хранить меня до сихъ поръ чудеснымъ
образомъ. До сихъ поръ я не сдѣлалъ ни
одного шага, въ которомъ-бы могъ горько
раскаиваться... Между тѣмъ человекъ от-
крывается мнѣ въ женщинѣ поразительно!
Узнавая съ каждымъ днемъ, что такое
женщина, я вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣваю
лучше и нашего брата мужчину. Никогда
не буду считать сближеніе съ женщинами
недостойнымъ возвышеннаго характера.
Это-то и есть именно жизнь; а то, что на-
зываютъ жизнью ученые и дѣловые люди,
то—надворная работа. Истинная жизнь
въ хатѣ и подъ хатою, въ виду женщины.
Все, что вдали отъ нея—эпизоды, вяжу-
щиеся съ главнымъ. Когда-то, во времена
оны, Н высказалъ мнѣ, что въ мои годы
невозможно надѣяться любви со стороны
женщины, и оно было похоже на истину.
Но теперь я убѣдился, что мнѣ надо было
пожить на свѣтѣ и только сохранился въ
такой степени, какъ я, чтобы у женщинъ,
морально развитыхъ, имѣть полный
успѣхъ. Ни съ однимъ юношей не могутъ
онѣ быть такъ скоро своими, какъ со
мною... Интрига, соблазнъ никогда не
были и не будутъ моею цѣлью. Я хотѣлъ
только жить и училъ другихъ, какъ слѣ-
дуетъ жить... Сколько прекраснаго откры-
лось мнѣ! Идеалъ вѣчно будетъ царство-
вать въ мірѣ; напрасно наши закорявѣв-
шіе критики вопіютъ противъ него»...

Этотъ рыцарски-честный, возвышенно-
идеалистическій взглядъ на женщину въ
человѣкѣ, вступающемъ въ шестой деся-
токъ, намъ кажется высоко поучитель-
нымъ для нашего вѣка.

А. Измайловъ.